

МОСКВА-41

Сергей
Михеенков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Сергей Михеенков

Москва-41

«ВЕБКНИГА»

2020

Михеенков С. Е.

Москва-41 / С. Е. Михеенков — «ВЕБКНИГА», 2020 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04728-0

Эта книга трагична, потому что иной быть и не могла. 1941 год. После летних боёв, тяжёлых потерь – личного состава, вооружения и территорий – Красная армия остановилась на ближних подступах к Москве. Всё. Дальше отступать было уже некуда. Историки, отечественные и зарубежные, до сих пор спорят и не могут прийти к общему согласию в понимании того, что же произошло на Московском рубеже, откуда появилась такая энергия у дивизий и бригад Западного и соседних с ним фронтов. Какое чудо произошло? Почему группа армий «Центр» не смела защитников Москвы в октябре, когда у вермахта, казалось, всё складывалось как нельзя лучше? Почему недожала в ноябре, когда тонкая ниточка советской обороны стала утолщаться, обрастать стрелковыми и танковыми бригадами, дивизионами «Катюш», но всё же по-прежнему была ещё слаба? Почему не удержала удара наших армий в декабре? И почему так жёстко Красная армия была остановлена в начале 1942 года на исходе контрнаступления? На все эти вопросы автор книги «Москва-41» отвечает, исследуя судьбы действующих лиц и героев одной из самых масштабных и грандиозных битв Великой Отечественной/Второй мировой войны. В книге впервые публикуются многие документы из различных архивов, фондов и частных коллекций, ставших доступными только в последние годы.

ISBN 978-5-235-04728-0

© Михеенков С. Е., 2020

© ВЕБКНИГА, 2020

Содержание

Загадка москвы	8
«Сплошное море огня...»	13
Потомок Ермака	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Михеенков

Москва – 41

«Русский солдат – подлинная загадка. Несмотря на все невзгоды, порождаемые тоталитарным режимом, он готов был героически защищать этот режим».

Роберт Кершоу, британский историк

«Успевшие отрасти бороды придают всем нам сходство с подводниками, руки наши покрыты коркой грязи. Когда же мы в последний раз стирали обмундирование? Когда мылись сами? Похоже, ни один месяц успел миновать. Тело одеревенело от постоянного лежания скрючившись в траншеях и окопах. Ни рук, ни ног не чувствуешь от холода! Зато чувствуешь, как тебя поедает вши. А где наши добрые товарищи, сражавшиеся плечом к плечу с нами?»

Из письма родным фельдфебеля Ганса Шиффа, 98-я пехотная дивизия группы армий «Центр»

«Нет! Не дождь и снег остановили фашистские войска под Москвой. Более чем миллионная группировка отборных гитлеровских войск разбилась о железную стойкость, мужество и героизм советских войск, за спиной которых был их народ, столица, Родина».

Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году Ф. Павленковым и продолжена в 1933 году М. Горьким

Выпуск 1826

© Михеенков С. Е., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

Загадка москвы

Битва за Москву началась на самом деле значительно раньше, чем пишут в современных энциклопедиях. Она началась как минимум ранним утром 22 июня 1941 года, когда германские войска вторглись в Советский Союз, когда начались кровопролитные приграничные сражения. И даже раньше, во время дипломатических и политических баталий, когда советское правительство всячески пыталось замирить, умиловить голодного зверя, изготавившегося к прыжку. Однако все заключённые между СССР и германским Третьим рейхом договоры и пакты всего на какое-то время, возможно, самое незначительное¹, отсрочили день начала нашествия.

Но не будем перечить историкам и обозначим хронологические рамки Московской эпопеи общепринятыми 30 сентября 1941-го и 20 апреля 1942 годов и постараемся этих рамок придерживаться. Хотя формально, рассказывая о героях сражения за столицу нашей Родины, сделать это, по правде сказать, будет невозможно.

Все немецкие штабные документы кануна вторжения на нашу страну и лета 1941-го буквально криком кричали о Москве и важности Центрального направления. Самой желанной целью немцев стала Москва. Из всех трёх групп армий «Центр» была самой мощной. Правда, в ходе боёв, часть её сил была отвлечена на Белорусское и Ленинградское направления, а затем ещё и на Киевское. Немецкое командование опасалось фланговых ударов с севера и с юга, а потому приняло решение обезопасить фланги центральной группировки, нацеленной на Москву. Полевые армии и танковые группы генерал-фельдмаршала Фёдора фон Бока должны были без помех, стремительным и глубоким ударом овладеть столицей врага.

Не получилось. Недодумали в немецких штабах. Недорассчитали. Недоучли. Перенадеялись на мощь своего оружия, на подготовку немецкого солдата – те качества, которые пока вермахт не подводили – и на несокрушимость доктрины блицкрига. Но за Бугом – на Березине, Днепре и Оке – в окопах оказались не французы, не англичане или поляки, а бойцы Красной армии. Надежды на то, что колосс рухнет и распадётся сам, достаточно его лишь хорошенько толкнуть, тоже не оправдались. В этом смысле советники Гитлера по национальным и политическим проблемам из числа специалистов по России своего шефа попросту обманули. Слишком много ненависти у них было к Советскому Союзу (часто по личным причинам), чтобы сохранить столь важную объективность. Но им не хватило даже благоразумия. Колосса вермахт толкнул, причём толкнул основательно, с каждым разом усиливая и наращивая силу своих толчков. Колосс пошатнулся. Но не упал. Более того, он отреагировал. Ответ был сокрушительным. Но уже для Третьего рейха. Сила духа воина Красной армии оказалась твёрже и сильней силы духа, помноженной на опыт и врождённые качества германского солдата. Вот в чём был главный просчёт Гитлера и его генералов.

Были и другие аргументы. О некоторых из них рассказано в этой книге.

Когда, по прошествии лет и десятилетий, историки и публицисты, отечественные и западные, начали размышлять о том, почему же всё-таки германская армия не смогла захватить ни Москвы, ни Ленинграда, ни третьего ключевого города – Сталинграда, – и успешно завершить первый этап военных действий на Восточном фронте где-нибудь на линии Вологда – Астрахань, – когда возникает вопрос, так что же случилось с германской военной машиной, возникают заготовки, которые теперь, в эпоху обилия информации, никуда не годятся. Морозы, дожди и прочее – это ведь ничуть не фантастичней, если бы в какой-то момент схватки вермахта и Красной армии на стороне второй выступили бы полчища инопланетян.

---

¹ Ряд историков утверждают, что всего лишь с мая на июнь 1941 года.

Сейчас всё больше распространяется среди знатоков и толкователей истории Великой Отечественной и Второй мировой войн идея о том, что разгрома 41-го года не было, что Красная армия жертвенно дралась с первых часов нашествия, отступала, теряя сотни тысяч убитыми, ранеными и пленными. Но, несмотря на колоссальные потери, значительную часть своей задачи она всё же выполнила. Эта идея окрыляет одних и удручает других. Не разделяя энтузиазма первых и пораженчества вторых, предполагаю, что истина где-то посередине. Но всё же ближе к аргументам первых.

Командующий наступавшей под Москвой 2-й немецкой танковой группой генерал Гейнц Гудериан в своих мемуарах писал, что к концу первого лета войны, когда его дивизии остановились на Десне, танковые моторы были уже изношены, техника требовала капитального ремонта. Одним словом, те боевые единицы, которые не сгорели в предыдущих боях, в бой идти не могли. Изношенными на подступах к Москве оказались не только танковые моторы и ходовая часть, изнашивалась армия, неосмотрительно бросившаяся в блицкриг на Советский Союз. Изнашивалась уверенность немцев в своей непобедимости.

Фронт двинулся вспять именно под Москвой. Москва подала пример, укрепила силу духа солдат, защищавших Ленинград, Таганрог, Ростов-на-Дону, Тулу и другие твердыни и укрепрайоны нашего фронта от Балтийского до Чёрного морей.

Однако летом и в начале осени 41-го всё выглядело не столь оптимистично.

К концу сентября после вынужденной летней остановки 1941 года немцы создали на Центральном направлении огромную группировку. Советские войска, противостоявшие группе армий «Центр», по многим позициям, в том числе по количеству боевой техники, уступала противнику кратно.

Тридцатого сентября фон Бок двинул свои армии и танковые группы вперёд: вермахт начал операцию «Тайфун». Наступление должно было решить судьбу Москвы и таким же решающим образом повлиять на итог восточного похода.

Командующий войсками Западного фронта генерал-полковник И. С. Конев, видя перед собой силу, остановить которую на Вяземском рубеже он явно не сможет, предложил отвести часть войск на Можайскую линию обороны. Ставка не разрешила ему это сделать.

Начало «Тайфуна» действительно напоминало смерч. Танковые и моторизованные лавины прорвали оборону Западного и Резервного фронтов, перехватили важнейшие коммуникации, овладели крупными городами, формируя «котлы» – под Вязьмой, Рославлем и Брянском. Только в районе Вязьмы в окружении оказалось пять армий, некоторые вместе с полевыми управлениями – 19, 20, 24, 32, 16-я. До сих пор нет точных данных о потерях Красной армии, понесённых в первом Вяземском окружении. Исследователи называют разные цифры: от 663 до 883 тысяч бойцов и командиров. Из окружения вышел лишь каждый десятый...

Удар «Тайфуна» открыл немецким войскам основные дороги на Москву. Но противник не смог в полной мере воспользоваться успехом. А, как говорил Александр Суворов, недорубленный лес, как известно, скоро вырастает.

Верховный вызывает из Ленинграда генерала армии Г. К. Жукова, назначает его на Западный фронт. Можайскую линию по приказу нового комфронта быстро занимают уцелевшие дивизии, отдельные полки, батальоны и артиллерийские дивизионы. Поднятые по тревоге к Можайску, Малоярославцу и Туле подтягивались курсанты военных училищ и части НКВД. Железной рукой Жуков гасит панику и останавливает немецкие танки. Начинается противостояние на последнем рубеже. Зачастую оно переходило в бойню, верх в которой брала то одна, то другая сторона.

Октябрь был самым трудным. Немцы давили из последних сил. На всех направлениях. 18 октября пал Можайск, 27 октября – Волоколамск. В обстоятельствах приближения врага

к Москве, в осаждённом городе вспыхивает паника². Ставка и Верховный главнокомандующий остаются в столице. Жуков мечется по передовой, с каменным лицом и холодным взглядом появляется в штабах армий и дивизий, требует, угрожает, выжимает из войск, казалось, уже невозможное. Приказывает эшелонировать оборону в глубину. Эта мера даёт заметный положительный результат. Противник вязнет даже на тех участках, на которых концентрирует свои удары. 29 октября ударные части 2-й танковой группы Гудериана предпринимают атаку на Тулу, но она отбита с большими для немцев потерями в танках и живой силе. Продвижение вермахта замедляется и на северном фланге Западного фронта, где храбро и умело сражается 16-я армия генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, оперативные группы генералов Г. Ф. Захарова и Ф. Т. Ремизова, полковников А. И. Лизюкова и П. Г. Чанчибадзе.

Седьмого ноября 1941 года на Красной площади состоялся парад войск Московского гарнизона и частей, уходящих на фронт. Верховный главнокомандующий И. В. Сталин напутствовал войска: «Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Дмитрия Пожарского, Кузьмы Минина, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

В ноябре немцы выскребают из своих сусеков последние резервы, ставят в строй «кухонных буйволов»³, тыловиков, легкораненых и предпринимают последний удар. На севере немцы бьют на Клин. На юге – в обход Тулы на Каширу и Михайлов. В центре, уже в первых числах декабря, – на Кубинку. Местами прорывают нашу оборону и устремляются к Москве. Но бреши вовремя закрывались маневренными резервами либо подошедшими из второго эшелона свежими частями. Прорвавшиеся танки и мотопехота либо уничтожались, либо оттеснялись на исходные. Всё. Наступательный ресурс германской армии израсходован, а к обороне на достигнутых рубежах немцы оказались не готовы. 5 декабря получив в 16.00 телефонограмму фон Бока начальник Генерального сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер записал: «Фон Бок сообщает: силы иссякли. Завтра он сообщит, есть ли необходимость отвести войска». На следующий день генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич подаёт в отставку⁴ с поста главнокомандующего сухопутными силами Германии.

Тем временем, залатав бреши и создав небольшие резервы, войска Западного фронта организуют пробные удары. Под Серпуховом, в районах Наро-Фоминска и Тулы, на севере у Клина и Яхромы. Но силы этих ударов слабы и пока ничего, кроме потерь, не приносят.

Сталин хмур, сдержан, терпелив и расчётлив. Всё висит на волоске.

Гитлер в бешенстве. Удар «Тайфуна» не достиг своей цели. Генералы сообщают, что их армии, корпуса и танковые группы израсходованы на пути от Рославля до Серпухова, от Вязьмы до Волоколамска, от Орла до Тулы, что полки и батальоны сведены из трёхсоставных в двусоставные, что численность рот при этом едва достигает одного взвода. Россия поглотила самую мощную группировку германской армии.

Немцев пугала фронтальная атака на Москву. Верстая планы второго наступления на советскую столицу, в немецком Генеральном штабе рассуждали так: лобовая атака приведёт к мясорубке, в которой, при всей стойкости германского солдата и превосходстве германского оружия, окажутся перемолоченными и лучшие дивизии группы армий «Центр». Резервов у фон Бока, как известно, не было: перебрасывать сюда дополнительные силы Гитлер не планировал. Поэтому было решено осуществить охват Москвы и Московского укрепрайона с флангов двумя сильными группировками: южной— на Тулу и Михайлов, северной – на Волоко-

² 19 октября 1941 года было принято постановление ГКО СССР «О введении в Москве и прилегающих к городу районах осадного положения» и на следующий день оно начало действовать.

³ Так немцы называли кашеваров.

⁴ И получает её 19 декабря.

ламск, Клин и Дмитров. Именно здесь, на флангах, действовали 2-я и 4-я немецкие танковые группы. Но, от рубежа к рубежу, от окопа к окопу, немецкие панцерваффе таяли на глазах. В полыхающих боевых машинах сгорели лучшие танковые экипажи Гудериана и Гота. Замёрзли, прижатые к ледяной пашне, гренадеры 4-й полевой армии генерал-фельдмаршала фон Клюге. А русские постоянно выставляли то новую дивизию, то несколько бригад, то целую армию. Они гасили очередную попытку прорыва, сводили на нет отчаянные усилия наступающих.

Из Сибири, с Дальнего Востока, из Казахстана и Поволжья к Москве шли и шли эшелоны. На подмосковных станциях выгружалась пехота, с платформ съезжали танки, артиллеристы скатывали орудия, коноводы выводили лошадей. Штабы Красной армии оказались дальновидней и предусмотрительней штабов вермахта. Сталин переигрывал Гитлера.

В начале декабря 1941 года после некоторого затишья фронт, опоясавший Москву с запада, юго-запада и северо-запада, ожил, задвигался. Всё началось с действия небольших, до батальона, передовых групп. 5-го числа начались массированные налёты советской авиации. Шнуры натянула артиллерия. На рубеж атаки вышли танки. И закипел подмосковный снег.

От Калинина на севере и до Ельца на юге раскалённым железом засветилась гигантская девятисоткилометровая дуга. Постепенно, не сразу, армии перешли в наступление. Противник дрогнул и начал отходить, бросая тяжёлое вооружение, склады с имуществом и боеприпасами. Порой в спешке оставляли даже раненых. Зимнее отступление вермахта чем-то напоминало летнее отступление Красной армии.

Это было первое масштабное наступление Красной армии и первое столь же значительное поражение вермахта во Второй мировой войне. Советские войска продвинулись на запад на 100, а на некоторых участках до 250 километров. Освобождены Таруса, Калуга, Калинин, Можайск, Наро-Фоминск, Белёв, тысячи сёл и деревень Московской, Тульской, Калининской и Смоленской областей. Битва за Москву положила начало очищению территории СССР от немецких оккупантов.

Немецкие планы блицкрига рухнули.

Боевой дух советских солдат и командиров после череды поражений и неудач поднялся.

В какой-то момент в Ставке и в войсках возникла иллюзия полного разгрома германской армии. Вскоре она, впрочем, прошла. Противник занял новые позиции на тыловом рубеже и к февралю 1942 года восстановил оборону. К тому времени наши непрерывно наступающие войска в значительной мере израсходовали свой ресурс. Наступление есть наступление, оно требует резервов, резервов и резервов. А эти резервы должны быть вооружены, экипированы, обеспечены транспортом, хотя бы гужевым, а также продовольствием и медикаментами. Всякое наступление выдыхается, тем более такое масштабное, каким оно получилось зимой 1941/42 года под Москвой.

Отступающий противник всегда старается не пропустить того мгновения, когда наступающую сторону начинает одолевать усталость, когда в дело вмешиваются различные факторы – растянутость коммуникаций, отставание артиллерии и тылов, маршевая неразбериха, отсутствие устойчивой связи, неизбежные во время движения прорехи на флангах. В феврале – марте немцы нанесли серию контрударов в районах Вязьмы, Кирова, Жиздры, Ржева, Белого, Юхнова и Мосальска. В ряде мест противник разрезал порядки наших частей и подразделений, охватил с флангов, окружил. Целые армии, армейские группы и отдельные дивизии и корпуса оказались изолированными и вынуждены были прорываться на соединение со своими войсками ценою огромных потерь. Именно в это время в «котле» под Вязьмой оказались западная группировка 33-й армии, 1-й гвардейский кавалерийский корпус и несколько воздушно-десантных бригад. Судьба их оказалась трагичной. В апреле 1942 года при попытке вырваться из окружения кратчайшим путём на Износки погибла армейская группа генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова. 20-м апреля заканчивается хронология Битвы за Москву.

Разумеется, этим кратким очерком невозможно сколько-нибудь подробно очертить историю Битвы за Москву. Цель предисловия иная – показать важность события и его масштаб. Герои этой книги, каждый на своём рубеже, делали своё дело. Зачастую их война укладывалась в проходную фразу суточных донесений о боях местного значения, которые существенно не повлияли на общий ход боевых действий дивизии, армии, фронта. Но теперь-то, с расстояния лет, мы понимаем, что судьба сражения зависит от каждого одиночного окопа и того, насколько стойко и умело его удерживает простой рядовой солдат. Тем более что в ходе Битвы за Москву – и это признают в своих мемуарах и интервью и советские полководцы, и немецкие генералы – в какой-то момент возникли такие обстоятельства, когда судьба сражения стала зависеть от стойкости каждого взвода, от каждой удерживаемой позиции, какой бы, казалось, незначительной она ни была; дрогнул пулемётный расчёт, не удержали свои окопы взвод или рота, и противник тут же хлынул бы в образовавшуюся брешь, потеснил батальон, свернул фланги полка и в прорыв устремились бы танки и тяжёлая техника врага.

Говорят, Гитлер постоянно сравнивал себя с Наполеоном, оглядываясь на его неудачи. Но лавров Наполеона он не стяжал. Захватив столицы многих европейских государств и заставив служить себе многие народы Европы, он не смог покорить русских. Он даже не сумел взять столицы Советского Союза. Загадка Москвы так и осталась для немцев неразгаданной.

После Битвы за Москву, которая завершилась успехом Красной армии, взятие Берлина стало лишь делом времени.

«Сплошное море огня...»

Иван Андреевич Флёров, капитан, командир первой в Красной армии батареи «Катюш»

1

Долгие годы его имя значилось в графе «без вести пропавшие». Публиковались скудные сведения: командовал батареями экспериментальных реактивных установок... первый залп по врагу сделал не то в районе Орши, не то в районе Рудни... погиб в октябре 1941 года в Вяземском «котле»... Ходили нелепые слухи, будто бы намеренно завёл установки в болота, чтобы сдать немцам...

Правда была иной.

Иван Андреевич Флёров родился 24 апреля 1907 года⁵ в селе Двуречки Липецкого уезда Тамбовской губернии, ныне Грязинского района Липецкой области, в семье служащего. Отец работал счетоводом на Боринском сахарном заводе, мать была домохозяйкой. Семья была большой – шестеро детей. Иван окончил земскую школу. Учился с азартом, при выпуске получил похвальный лист. Особенное рвение проявлял на уроках арифметики. После окончания школы работал в родном селе. Потом поступил на Боринский сахарный завод учеником слесаря. Затем с отличием окончил школу ФЗУ (фабрично-заводского ученичества) при чугунолитейном заводе в Липецке. Как отличника и лучшего выпускника Ивана Флёрова оставили при школе ФЗУ мастером производственного обучения. Уже тогда обнаруживал любовь к конструированию, инженерии.

В 1927 году призван в РККА. Служил в артиллерийском полку. В 1928 году демобилизован.

В 1933 году призван на полуторамесячные командирские артиллерийские курсы. Как оказалось, это стало началом военной карьеры.

В 1939 году Флёров зачислен слушателем на командный факультет Артиллерийской академии РККА им. Ф. Э. Дзержинского⁶. Через год старший лейтенант, командир батареи 94-го гаубичного артиллерийского полка, он, не окончив курс обучения, принял участие в Советско-финской войне. Отличился при штурме одного из укрепрайонов линии Маннергейма.

После окончания боевых действий Флёров вновь вернулся в академию и продолжил прерванную учёбу. В эти годы он жил в Балашихе.

Тактику в академии преподавал будущий защитник Ленинграда генерал-майор Л. А. Говоров. Леонид Александрович сразу обратил внимание на курсанта, не просто влюблённого в артиллерийское дело, но и прекрасно владеющего им. В год поступления Флёрова в академию вышел научный труд Говорова «Атака и прорыв укрепленного района». Флёров досконально проштудировал его и явился к преподавателю с вопросами. В 1940 году они вместе ушли на Зимнюю войну. Говоров возглавил штаб артиллерии 7-й армии, а Флёров гаубичную

---

⁵ По другим источникам – в 1905 году. В музее И. А. Флёрова в селе Двуречки хранится аттестат выпускника школы ФЗУ, в котором указан 1907 год рождения.

⁶ Основана в 1820 году как офицерские классы артиллерийского училища, которые в 1855 году преобразованы в Михайловскую артиллерийскую академию. После революции, в 1919 году, она превратилась в Артиллерийскую академию РККА, в 1925 году стала Военно-технической академией РККА, на базе артиллерийского факультета которой в 1932 году и была создана Артиллерийская академия им. Ф. Э. Дзержинского. После войны она несколько раз меняла названия и реорганизовывалась, пока в 2004 году ей не было возвращено историческое название, и она стала именоваться Михайловской военной артиллерийской академией.

батарею одного из артполков этой армии. Оба отличились и оба были награждены орденами Красной Звезды: Флёров получил орден в 1940 году за бои у озера Саунаярви.

Вскоре Говоров возглавил Артиллерийскую академию, но когда началась новая война, тут же отбыл на фронт – руководил штабом артиллерии Западного направления, а затем командовал артиллерией Резервного фронта. Во время Смоленского сражения генерал планировал действия артиллерии в Ельнинской наступательной операции.

Именно по его рекомендации Флёров, к тому времени уже капитан, был назначен командиром первой экспериментальной части реактивной артиллерии – особой батареи реактивного действия. В ней имелось семь установок: пять опытных и две серийные. В батарее была также одна 122-мм гаубица, пристрелочная. Кроме того, 44 грузовика для перевозки боеприпасов, продовольствия, шанцевого инструмента, другого имущества и личного состава – 160 солдат и офицеров. Боекомплект батареи составлял 600 реактивных снарядов М-13 и 100 выстрелов для гаубицы М-30 обр. 1938 года. На машины были загружены бочки с бензином на три полных заправки всей штатной техники батареи.

2

Реактивная установка БМ-13 стала оружием нашей Победы, одним из главных её символов: как дивизионная пушка ЗиС-3, как танк Т-34, как песня «Валенки» в исполнении Лидии Руслановой и Красное знамя над Рейхстагом.

Идея снаряда-ракеты родилась давно, ещё до создания ствольной артиллерии. С изобретением более совершенных и мощных видов пороха конструкторы вновь вернулись к «забытому старому». В начале 30-х годов в Реактивном научно-исследовательском институте (РНИИ) в Москве под руководством Юрия Победоносцева⁷ были созданы образцы авиационных реактивных снарядов. В качестве направляющей использовалась труба. С одной стороны, это было удобно, с другой – оперение ракет было небольшим, под калибр направляющей трубы, а это не давало необходимой точности огня.

В 1937 году провели очередные испытания. Снаряды-ракеты начинили новым порохом – трубчатым нитроглицериновым, увеличили оперение, направляющие упростили – теперь они были открытыми, рельсовыми. Испытания прошли успешно.

К 1939 году был создан осколочно-фугасный снаряд калибра 132-мм. Конструкторы увеличили боевую часть и дальность полёта. Боеприпас значительно удлиннили, что улучшило его баллистику. Реактивные снаряды теперь ложились более точно. Это и был знаменитый снаряд М-13.

Корпус реактивного снаряда представлял собой сварной цилиндр, поделённый на три отсека: боевая часть, камера сгорания и в хвостовой части, суженной, реактивное сопло. Авиационный реактивный снаряд РС-132 имел длину 935 мм, диаметр 132 мм, весил чуть больше 23 килограммов. Установки для пуска РС-132 крепили под крыльями истребителей И-16, штурмовиков Ил-2 и тяжёлых бомбардировщиков. Реактивный снаряд для наземной установки имел длину 1, 41 метра, диаметр 132 мм и весил 42, 3 килограмма. Цилиндр с оперением заполнен твёрдой нитроцеллюлозой. Боевая часть весила 22 килограмма. Масса взрывчатого вещества собственно фугаса – 4,9 килограмма, что равно шести противотанковым гранатам. Как отмечают специалисты, при том, что заряд головной части реактивного снаряда М-13 был вдвое меньше заряда немецкого *Nebelwerfer*, «поражающее воздействие на небронированную

---

⁷ Юрий Александрович Победоносцев (1907–1973) – конструктор, доктор технических наук (1949), член-корреспондент Международной академии астронавтики (1968). Окончил Московский авиационный институт (1930). Работал в различных институтах, связанных с авиацией и ракетной техникой, с 1933 года – в РНИИ, с 1941 года – в МВТУ, в 1948–1950 годах заведующий кафедрой «Баллистические ракеты». Лауреат Сталинской премии 2-й степени (1941) «за изобретения по вооружению самолётов». Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, «Знак Почёта».

технику и живую силу было намного сильнее. Это было достигнуто вследствие увеличения газового давления взрыва из-за встречного движения детонации. Подрыв взрывчатых веществ осуществлялся с двух сторон (длина детонатора была лишь немного меньше длины полости для ВВ), и когда две волны детонации встречались, то газовое давление взрыва в месте встречи резко возрастало, вследствие этого осколки корпуса имели значительно большее ускорение, разогревались до 600–800 °С и имели хорошее зажигающее действие. Кроме корпуса, разрывалась ещё и часть ракетной камеры от горевшего внутри пороха, это увеличивало осколочное действие в полтора-два раза по сравнению с артиллерийскими снарядами аналогичного калибра»⁸. Иногда, когда наши бойцы стрелковых подразделений после артподготовки врывались в окопы противника, наблюдали такую картину: ходы сообщения и блиндажи были завалены телами немецких солдат, при том, что следы ранений на них отсутствовали. Возникла даже легенда о «термитном заряде» М-13. Подобный заряд действительно испытывался, но несколько позже – примерно через год под Ленинградом – и был признан излишним. К тому же он был значительно дороже и сложнее в производстве. Залп по площади и без того создавал «интерференцию взрывных волн», и это усиливало поражающий эффект.

В том же 1939 году была изготовлена первая пусковая установка. Раму установили на шасси трёхосного грузовика ЗиС-6. 16 снарядов крепились попарно на восьми укороченных направляющих, которые во время пуска располагались поперёк шасси. Во время огня машину сильно раскачивало, и снаряды разлетались веером. В короткие сроки пусковую модернизировали: теперь она располагалась вдоль машины, что позволило значительно удлинить направляющие. Кроме того, заднюю часть грузовика поддомкрачивали, что придавало установке большую устойчивость и повышало точность огня. Новая модель (МУ-2) производила залп всего за десять секунд. Дальность стрельбы превышала восемь километров. Вес установки составлял 8 тонн 330 килограммов.

В 1940 году провели государственные испытания МУ-2. Военные, присутствовавшие на полигоне в качестве главных экспертов и заказчиков, были в восторге. Установку приняли на вооружение под названием «Реактивный миномёт БМ-13»⁹ и тут же заказали опытную партию.

Ничем подобным ни одна из армий мира не располагала. Разработки велись и в США, и в Германии, но зарубежные ракетостроители шли по несколько другому пути. Немецкие конструкторы уже к началу войны имели шестиствольный 158, 5-миллиметровый реактивный миномёт *Nebelwerfer 41*. Наши солдаты называли его «ишаком» – при запуске он издавал характерные звуки. Почти по всем параметрам он уступал советской БМ-13: по мобильности, по весу и мощности разрывного заряда, по максимальной дальности стрельбы, по количеству направляющих, а значит, и мощи залпа. «Ишак» стрелял осколочно-фугасными, зажигательными и агитационными минами на расстояние до 6,9 километра и размещался на двухколёсном лафете. В 1942 году их стали устанавливать на полугусеничные тягачи и бронетранспортеры – новая машина получила название *15 cm Panzerwerfer 42 auf Sf* или *Sd.Kfz. 4/1*, – сделав реактивную артиллерию вермахта более мобильной. Массово немцы применили *Nebelwerfer* в 1942 году на Восточном фронте во время летнего наступления под Севастополем. Известно, что в начале зимы 1942-го всадники 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта П. А. Белова¹⁰ захватили одну установку в районе Выходов на реке Угре во время прорыва на Вязьму¹¹.

⁸ См.: Гвардии «Катюша». Л., 1978.

⁹ «БМ» – боевая машина, 13 – калибр 132-мм.

¹⁰ Павел Алексеевич Белов (1897–1967) – генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944). С марта 1941 года командовал 2-м (с ноября – 1-м гвардейским) кавалерийским корпусом. Участник Московской битвы. В 1942–1945 годах командовал 61-й армией. Награждён 5 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени и орденом Кутузова 1-й степени.

¹¹ Во время Ржевско-Вяземской наступательной операции (8.1–20.4.1942) корпус Белова был отрезан от основных сил и

В самый канун нападения Германии – 17 июня 1941 года – дивизион БМ-13 первой промышленной серии прибыл на подмосковный полигон. За действиями расчётов и пуском наблюдали нарком обороны СССР маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков, недавно назначенный наркомом вооружения СССР Д. Ф. Устинов. По итогам стрельб 21 июня 1941 года командование приняло решение о развёртывания серийного производства боеприпаса М-13 и установок БМ-13 на базе грузовиков ЗиС-5 и ЗиС-6... В это время офицеры передовых частей вермахта рассматривали в бинокли противоположный берег Буга, определяя броды и намечая направление атак, а танковые экипажи дивизий первого эшелона загружали боеприпасы и дозaprавляли свои боевые машины.

Двадцать второго июня 1941 года сотрудники НИИ-3¹² собрались на экстренное совещание. Стало очевидным, что никаких войсковых испытаний проводиться уже не будет – не до того. Сейчас, в новых обстоятельствах, самое важное «собрать все установки, отправить их в бой». Первые семь машин, собранные в НИИ-3, составили первую батарею реактивной артиллерии.

Решение о формировании первой отдельной экспериментальной батареи БМ-13 было принято 28 июня 1941 года. Из резерва Ставки Верховного главнокомандования батарею тут же передали в распоряжение командующего войсками Западного фронта «для испытаний непосредственно в боевой обстановке». Тогда же назначили надёжного командира с инженерным образованием и артиллерийским опытом – капитана Ивана Андреевича Флёрова.

Состав отдельной экспериментальной батареи:

- взвод управления (1 головная машина);
- пристрелочный взвод (122-мм гаубица);
- 3 огневых взвода (по 2 боевых машины);
- парковый взвод;
- взвод боевого питания;
- хозяйственное отделение;
- отделение подвоза горюче-смазочных материалов;
- санитарная часть.

Продуктовый паёк батареи – семь сутодач.

Расчёт установки БМ-13 состоял из 5–7 человек:

- командир установки – 1;
- наводчик – 1;
- водитель – 1;
- заряжающие – 2–4.

Штат управления подразделением и обслуживания нового оружия тоже находился в экспериментальной стадии. Командный состав батареи укомплектовали в основном выпускниками и слушателями Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского и курсантами 1-го Московского Краснознамённого артиллерийского училища им. Л. Б. Красина, на базе которого и шло формирование батареи – в комплексе зданий по Хорошевскому шоссе. Солдаты и сержанты подбирались из числа опытных артиллеристов. Все были коммунистами и комсомольцами.

Как это ни парадоксально, никакой специальной подготовки ни офицеры, ни номера боевых расчётов батареи капитана Флёрова не имели. Готовить и обучать их было некогда. Фронт 41-го года был полем для многих импровизаций.

оказался в котле и почти четыре месяца вёл боевые действия за линией фронта.

¹² Так с 1937 года стал именоваться РНИИ.

По воспоминаниям миномётчиков батареи, когда их выстроили перед установками, многие решили, что под чехлами трёхосных грузовиков понтоны. Когда же брезент сняли, с минуту длилось молчание. «Всё было дико и неясно», – рассказывал командир боевого расчёта Иван Гаврилов. Бывалый воин, участник Зимней войны и похода в Западную Белоруссию, повидавший много разных диковинок среди трофейного оружия и имущества, он никак не ожидал, что новое секретное оружие внешне будет выглядеть настолько просто и совершенно не воинственно. Но, как оказалось, под этой видимой простотой крылось гениальное коллективное изобретение советских военных конструкторов.

В дни формирования подразделения руководители-разработчики БМ-13 инженер-конструктор А. С. Попов¹³ и военинженер 2-го ранга Д. А. Шитов¹⁴ успели провести лишь три занятия. Попов вкратце рассказал об устройстве пусковой установки. Шитов также в общих чертах пояснил принцип действия ракет. Установка была проста и в конструкции, и в применении, поэтому артиллеристы с опытом осваивали её быстро.

По воспоминаниям одного из артиллеристов, вырвавшихся из вяземского окружения, в конце последнего инструктажа Попов похлопал по небольшому деревянному ящику, укреплённому на подножке кабины боевой машины и сказал: «Как вы думаете, для чего здесь этот ящик?» Кто-то из артиллеристов простодушно предположил, что для инструментов: инструментальный ящик водителя. «Ничего подобного, – сказал инженер-конструктор Попов. – В день отправки вашей батареи на фронт мы набьём этот ящик тротилом и вставим пиропатрон, чтобы при малейшей угрозе захвата установки врагом можно было подорвать и её, и боеприпасы».

Секретное оружие, секретные боеприпасы, секретное подразделение, секретный маршрут, секретные задачи, которые вот-вот придётся выполнять где-то на западе, где гремят бои. Это было главным, что должны усвоить солдаты и офицеры отдельной батареи. Тайну нового оружия нужно было сохранить во что бы то ни стало и при любых обстоятельствах. По этой причине и во время занятий «никаких письменных инструкций и наставлений не выдавалось, запрещалось делать какие-либо записи».

Командование волновало другое. Показательные стрельбы на полигоне – это всего лишь навсего стрельба в тире по мишеням... Как зарекомендует себя новое секретное оружие в настоящем деле, на передовой, в бою? Как будут с ним управляться расчёты? Какой урон может нанести оно врагу? Можно ли применить его в борьбе с бронетехникой противника? Какой эффект можно ожидать при массовой обработке обороны противника, занятой пехотой?

Для этого к экспериментальной батарее командование и руководство НИИ-3 прикомандировало группу конструкторов, разработчиков и производственников, а также представителя Главного артиллерийского управления РККА подполковника А. И. Кривошапова¹⁵.

Все ЗиСы батареи были новенькие. Водители надёжные. В трудных обстоятельствах они могли быть и механиками, вполне способными устранить лёгкие неполадки машины. Весь личный состав переделали в новое обмундирование.

---

¹³ Александр Сергеевич Попов (1913 – после 1983) – конструктор. С 1935 года сотрудник РНИИ (НИИ-3). Участвовал в разработке и строительстве БМ-13. Лауреат Сталинской премии 2-й степени (1941).

¹⁴ Дмитрий Александрович Шитов (1902–?) – инженер-полковник. С 1935 года сотрудник РНИИ (НИИ-3). Участвовал в разработке и строительстве БМ-13. После войны начальник лаборатории Военно-воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского.

¹⁵ Александр Иванович Кривошапов – полковник. Во время войны командовал 644-м пушечным артиллерийским полком и 14-й гвардейской пушечной артиллерийской бригадой.

3

В ночь на 3 июля 1941 года колонна зачехлённых машин, похожих на горбатые изваяния, выехала из Москвы на Западный фронт. Их сопровождали грузовики, крытые брезентом. Маршрут лежал на Ярцево, далее на Смоленск. Днём закончили все приготовления к маршу. Капитан Флёров получил приказ: 2 июля в 20.00 головой колонны подойти к Поклонной горе. Колонна растянулась на километр. Впереди – семь установок. За ними грузовики с контейнерами, в которых лежали ракеты.

На Бородинском поле сделали короткую остановку. Построились. «Мы, бойцы, командиры, политработники отдельной артиллерийской батареи, клянёмся, что никогда и никому не отдадим секретное оружие, вверенное Родиной...»

Двигались только ночью, на день машины загоняли в лес, тщательно маскировали, выставляли охрану. Времени не теряли: продолжали учёбу – расчёты заряжали установки, тренировались в определении целей и прицеливании.

Военинженер 2-го ранга Дмитрий Шитов, включённый в инженерную группу, произвёл пересчёт с артиллерийских таблиц и подготовил исходные данные для ведения огня реактивными снарядами. Новые таблицы размножили в семи экземплярах и передали всем командирам расчётов. Артиллеристы тут же приняли их к исполнению. Для них это была вполне знакомая грамота, тем более что и прицелы на БМ-13 стояли артиллерийские.

Там же, в лесу во время днёвок, насыщенных постоянными тренировками, стало очевидным: стрелять с помощью выносного пульта управления неудобно, чревато задержками. Решили производить пуск непосредственно из кабины. Заряжающими и подносчиками набрали крепких, плечистых бойцов. Новое дело они освоили быстро, в считанные минуты производили полную зарядку установки.

В дороге, особенно артиллеристы, над ними посмеивались:

– Эй, понтонёры! Пушка-то вам зачем? Стрелять из неё хоть умеете?

Им ничего другого не оставалось, как смеяться вместе со всеми.

В Вязме первая остановка. Здесь, в штабе Западного фронта, капитан Флёров доложил о прибытии.

В эти дни начиналось Смоленское сражение. Почти без всякой паузы после захвата Белостока и Минска группа армий «Центр» двумя клиньями своих подвижных соединений нанесла удар на Витебск и Могилёв. Пали Невель и Полоцк. Оставлен Витебск. 13 июля немцы вошли в Велиж, Демидов и Оршу...

До 12 июля батарея находилась в расположении 20-й армии в районе Борисова. Огня не открывали, постоянно меняли место дислокации. В небе всё время висели немецкие самолёты. Однажды бойцы не выдержали и открыли по ним огонь из винтовок и ручных пулемётов. Капитан Флёров тут же приказал сниматься и перебазироваться на запасную позицию. На следующий день вернулись на прежнее место – оно было основательно перепаханно взрывами авиационных бомб. По дороге мимо их колонны прошли танки. Утром они возвращались. Замыкающая колонну бронемашина остановилась, из неё вышел офицер, кивнул на гаубицу, спросил, что за часть.

– Особого назначения, – ответил капитан Флёров.

В те дни обстановка на фронте 20-й и 16-й армий накалилась до предела. Со своих позиций были сбиты армии правого крыла Западного фронта. 20-й и 16-й армиям грозило оперативное окружение. Что вскоре и произошло. А в те дни начался отход в район Смоленска, на новые позиции.

Офицер-танкист окинул взглядом зачехлённые установки и сказал:

– Капитан, не знаю, что у вас там под брезентом, но скажу главное – немедленно отступать. Пока дорога свободна. Мосты вот-вот будут взорваны...

Батарея покидала позиции, не сделав ни одного залпа.

Новую боевую задачу поставил начальник штаба артиллерии Западного фронта генерал-майор Г. С. Кориофилли¹⁶: в связи с резко обострившейся ситуацией выдвинуться западнее в район железнодорожной станции Орша, «на которой скопились фашистские эшелоны с личным составом, боеприпасами, техникой, горючим и другими материальными ресурсами». Станция Орша стала первой целью батареи капитана Флёрова. По другим сведениям, на станции в это время находились составы с грузами тылов 20-й и 16-й армий Западного фронта. Горючее для танков, самолётов и автотранспорта, боеприпасы, снаряжение, оружие. Вывезти всё это имущество из Орши отходившие советские войска просто не успевали.

Батарея вышла на исходные 14 июля в полосе обороны 73-й стрелковой дивизии 20-й армии. Здесь колонну встретил командир дивизии полковник А. И. Акимов¹⁷, получивший приказ накануне обеспечить охрану установок в период пребывания их в расположении его части.

ЗиСы с установками выстроились на опушке леса. Станция, эшелоны в тупиках, станционные постройки были хорошо видны в бинокль. До цели по прямой всего три километра. Командиры боевых машин заняли свои места в кабинах, ждали приказа на пуск. Остальные бойцы ушли в укрытия. Капитан Флёров стоял в окопе на НП на холме над речкой Оршицей. И вот он поднял руку и скомандовал:

– По фашистским захватчикам, батареям, огонь!

Командир одной из боевых машин – Валентин Овсов вспоминал: «Переключил рубильник электропитания. Правой рукой дал оборот маховичка. Земля дрогнула и осветилась. Огонь летит в цель. Неужто это наши ракеты?»

Многие бойцы и офицеры залп БМ-13 наблюдали впервые. Увиденное их потрясло. Подполковник Кривошапов вспоминал: «После залпа по фронту метров на двести – мы это видели и без биноклей – поднялось море огня».

После залпа установки одна за другой начали выезжать с опушки. Батарея спешно снималась с позиции. Через несколько минут колонна втянулась в лес. Когда вскоре в небе появился немецкий самолёт-разведчик, колонна уже была далеко. Со стороны Орши прилетело несколько снарядов, разорвавшихся в пойме Оршицы. Самолёт-корректировщик цели не обнаружил, и немцы прекратили артиллерийский огонь.

К исходу дня капитан Флёров получил другой приказ: отработать по переправе через реку Оршица близ города Орши. К тому времени на переправе скопилось много боевой техники противника. Залп накрыл и переправу, и предмостные участки на обоих берегах. Маршал А. И. Ерёменко, в те дни генерал-лейтенант, заместитель командующего Западным фронтом, в своих мемуарах «На Западном направлении» писал: «Из Ставки была получена телефонограмма следующего содержания: “Предполагается широко применить против фашистов ‘эрэсы’ и в связи с этим испробовать их в бою. Вам выделяется один дивизион М-8. Испытайте его и доложите своё заключение”. Долго я размышлял после этого, что это за “эрэсы”. Никто из

---

¹⁶ *Георгий Спиридонович Кориофилли* (1901–1973) – генерал-полковник артиллерии (1958). В июне – августе 1941 года начальник штаба артиллерии Западного фронта. Затем начальник артиллерии 56-й (1942–1943), 18-й (1943–1944) армий, заместитель командующего артиллерией 1-го Украинского фронта (1944), командующий артиллерией 4-го Украинского фронта (1944–1945). Награждён орденом Ленина, 5 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени, орденами Кутузова 1-й и 2-й степени, Суворова 2-й степени.

¹⁷ *Александр Иванович Акимов* (1895–1965) – генерал-лейтенант (1943). С июля 1940 года командир 73-й стрелковой дивизии. В августе 1941 года был ранен, остался в тылу противника, после выздоровления сформировал партизанский отряд. Затем командовал 82-й (3-й гвардейской) мотострелковой дивизией (1942–1943), 6-м гвардейским механизированным (1943–1944) и 78-м стрелковым (1945–1946) корпусами. Награждён орденом Ленина, 5 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 2-й степени, 2 орденами Кутузова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени.

окружающих меня командиров тоже никогда не слышал такого странного слова. И лишь когда прибыл дивизион этих “эрэсов”, я узнал, что это за оружие. Незадолго до войны, будучи председателем Государственной комиссии по испытанию новых видов оружия, я видел эти “эрэсы”, правда, в то время их не называли ни “эрэсами”, ни “Катюшами”...

15 июля 1941 года во второй половине дня непривычный рёв реактивных мин потряс воздух. Как краснохвостые кометы, метнулись мины вверх. Частые и мощные разрывы поразили слух и зрение сплошным грохотом и ослепительным блеском.

Эффект одновременного разрыва 320 мин в течение 26 секунд превзошёл все ожидания. Солдаты противника в панике бросились бежать в тыл. Попятились назад и наши солдаты, находившиеся на переднем крае, вблизи разрывов (в целях сохранения тайны никто не был предупреждён об испытаниях)...

После “опыта” я послал донесение в Ставку с подробным описанием результатов. Фронтовики дали самую высокую оценку нашему новому оружию».

Запись в Журнале боевых действий батареи несколько уточняет маршала: «В 15 часов 14 июля капитан Флёров дал команду открыть огонь. Семь пусковых установок БМ-13 нанесли удар по скоплению живой силы и танков фашистов в районе Орши. За семь-восемь секунд батарея выпустила 96 реактивных снарядов. Одна установка не стреляла из-за сгоревшего кабеля. В связи с неточным прицеливанием (новая техника) и спецификой рассеивания РС на такой дальности, основной удар пришёлся по посёлку железнодорожников. На станцию упало 4–5 РС. В 16 часов 45 минут был произведён второй залп – по переправе через реку Оршицу».

Критики нашей Победы, нашего оружия и всей трагедии, пережитой в годы войны, говорят о том, что эффект от огня реактивных миномётов был больше психологический, нежели разрушительный. Дескать, «Катюша» стреляла неточно, по площадям, и что, мол, не столько поражала противника, сколько подавляла его психику, действовала морально. Но дело в том, что – старая истина – морально сломленное войско уже наполовину побеждено...

Немцев переполошили эти залпы. Из штаба группы армий «Центр» в Генеральный штаб полетело донесение: «Русские применили батарею с небывалым числом орудий. Снаряды фугасно-зажигательные, но необычного действия. Войска, обстрелянные русскими, свидетельствуют: огневой налёт подобен урагану. Снаряды разрываются одновременно. Потери в людях значительные». Под удар на переправе попала колонна 17-й немецкой танковой дивизии. Потери были серьезными, так что в течение трёх дней дивизия не принимала участия в наступлении, приводила себя в порядок, ремонтировала танки и бронетехнику.

Участник того героического рейда гвардеец-миномётчик И. Гаврилов вспоминал: «Оправившись от первого удара, враг усиленно и настойчиво стал следить за действиями нашей батареи, неотступно используя наземную и авиационную разведку. Батарея часто стала подвергаться ожесточённой бомбардировке, яростному обстрелу артиллерией.

Неоднократно в район действия батареи враг сбрасывал листовки, в которых призывал нас за большое вознаграждение сдать новое оружие немецкому командованию.

Мы смеялись над посулами гитлеровцев и продолжали бить врага.

Тогда в район наших действий гитлеровцы выбросили авиационный десант с задачей захватить батарею. Однако и этот трюк не удался. Личным оружием мы перебили десант, а уцелевшая часть его скрылась в Смоленских лесах».

После серии пусков группа инженеров, конструкторов, возглавляемая подполковником Кривошаповым, отбыла в Москву. Военинженеру 2-го ранга Дмитрию Шитову капитан Флёров выдал справку, написанную на бланке с грифом «СССР. НКО. Отдельная артиллерийская батарея». Далее от руки: «15 июля 1941 г. Действующая армия». Настоящим документом удостоверялось, что Шитов и Попов за время пребывания на фронте провели следующую работу: 1) теоретическую подготовку личного состава батареи; 2) практические занятия у автоустановок; 3) непосредственно руководили работой в боевых операциях на фронте. «Указанные

товарищи проявили максимум усилий для хорошего овладения материальной частью личным составом батареи». Справку, написанную рукой капитана Флёрова, военный инженер хранил всю жизнь.

Подобные справки командир батареи выписал и другим товарищам, отбывающим в Москву. Подполковнику Кривошапову капитан передал письмо для жены Валентины Трофимовны и сказал: «Можно смело докладывать Верховному главнокомандующему товарищу Сталину, что создано превосходное оружие. Надо думать, отголоски наших залпов дойдут от Орши до Берлина!»

4

И до Москвы, и до Берлина отголоски залпов отдельной батареи дошли очень быстро. Немцы начали настоящую охоту за БМ-13. Для захвата установок были сформированы специальные группы, забрасываемые через линию фронта. Забрасывали агентурных разведчиков. Изучали маршрут движения колонны с секретным оружием.

Через месяц, когда батарея действовала в районе Ельни, к колонне приблизился «рыжий грузин». Юркий, любопытный, разговорчивый. Миномётчики сразу приметили: носит карабин, а шомпол от винтовки, длинный. . . На ногах стоптанные ботинки, обмотки. Стал заглядывать под брезент: что да как. . . Бойцам сказал, что отстал от своей части, что родом с Кавказа, грузин. А командир взвода боепитания Кузьмин возьми и оклики его: «Гамарджоба!»¹⁸ Но тот даже не оглянулся. И сержант сразу всё понял: рыжие грузины бывают, но ты, парень, не грузин. . . Рыжего задержали, доставили в штаб дивизии, в Особый отдел. При обыске нашли небольшой фотоаппарат.

В одном из приказов немецкого командования, разосланного в середине августа в войска первого эшелона, говорилось: «Русские имеют автоматическую многоствольную огнемётную пушку. При захвате таких пушек немедленно сообщить. . .» В другом: «Войска доносят о применении русскими нового вида оружия, стреляющего реактивными снарядами. Из одной установки в течение 3–5 секунд может быть произведено большое количество выстрелов. О каждом появлении этих орудий надлежит доносить командующему химическими войсками при верховном командовании в тот же день».

Немцы поручили отслеживание маршрутов батарей БМ-13 (к тому времени их действовало под Смоленском уже несколько) химикам. И это не случайно. Дело в том, что свой *Nebelwerfer* они создавали для пуска химических снарядов. И, вполне вероятно, что появление на фронте советской установки для запуска реактивных снарядов большого калибра разбудило в них страх перед химической войной. За каждую захваченную установку немецкое командование обещало своим солдатам и офицерам Железный крест, повышение в чине и отпуск на родину.

Спустя два дня батарея капитана Флёрова мчалась по просёлочной дороге к Рудне. Фронт по периметру Смоленского сражения рвался от перенапряжения. И чудо-оружие, о поразительной мощности которого уже ходили слухи в каждой дивизии, в каждой роте и каждом окопе, направляли туда, где создавалось особенно трудное положение. После отхода 19-й армии от Витебска немцы продолжали давление вдоль шоссе Витебск – Смоленск. Их передовые части угрожали открытому флангу 20-й армии, которая прикрывала Смоленск. Командующий армией генерал-лейтенант П. А. Курочкин¹⁹, в подчинении которого в те дни была передана секретная

¹⁸ Добрый день! Здравствуй! (*груз.*).

¹⁹ Павел Алексеевич Курочкин (1900–1989) – генерал армии (1959), Герой Советского Союза (1945). С июня 1941 года командующий войсками Орловского военного округа, на базе которого сформировал 20-ю армию. В августе командующий 43-й армией, затем представитель Ставки на Северо-Западном фронте, был командующим этим фронтом (1942, 1943), 11-й (1942–1943), 34-й (1943) армиями, 2-м Белорусским фронтом (1944), 60-й армией (1944–1945). После войны начальник

батарея, в составе своего резерва – 144-й и 233-й стрелковых дивизий и нескольких артполков – направил её в район Рудни. Именно там противник вклинился в нашу оборону наиболее опасно, угрожая прорывом и расчленением армии на две группировки.

Немецкие танки двигались так быстро, что тылы не успели подвозить горючее, и им пришлось окопаться, оседлав шоссе Минск – Москва. Окопанный танк с достаточным количеством боеприпасов – неприступная крепость для пехоты. А если их десятки, то они могут удерживать большой район.

После тщательной разведки и определения целей батарея капитана Флёрова накрыла этот район сотнями реактивных снарядов. В этот раз установки зарядили по максимуму – по шестнадцать М-13. И, не меняя позиции, а лишь корректируя направление огня, произвели три залпа. Впереди разлилось море огня, и бушевало оно несколько минут. Противник в панике отошёл, бросая боевые машины и тяжёлое вооружение. Стрелковые подразделения, которые тут же заняли немецкие окопы, шли по трупам. Позже стало известно: уничтожено до 400 солдат и офицеров противника. Дивизии резерва выровняли линию фронта, заняли выгодные позиции, и угроза флангу 20-й армии была снята.

Из доклада Военного совета Западного фронта от 24 июля 1941 года: «...20 армия т. Курочкина, сдерживая атаки до 7 дивизий противника, нанесла поражение двум немецким дивизиям, особенно вновь прибывшей на фронт 5 пехотной дивизии, наступавшей на Рудня и к востоку. Особенно эффективное и успешное действие в разгроме 5 пехотной дивизии оказала батарея “РС”, которая тремя залпами по сосредоточенному в Рудня противнику нанесла ему такие потери, что он целый день вывозил раненых и подбирал убитых, остановив наступление на целый день. В батарее осталось 3 залпа. Просим о присылке ещё двух-трёх батарей с зарядами...»

В Рудне помнят подвиг гвардейцев-миномётчиков капитана Флёрова. На развилке дорог стоит поднятая на постамент легендарная «Катюша». На мраморной плите надпись: «Храбрым воинам первой в мире реактивной батареи капитана И. А. Флёрова от благодарных трудящихся Руднянского района». Три месяца сражались гвардейцы-миномётчики на смоленской земле. Уничтожали врага на днепровских переправах, в районах Рославля, Спас-Деменска и Духовщины, на Ярцевских высотах.

В подмосковную Балашиху время от времени уходили письма. Флёров писал жене. Скучал по сыну.

«...Только что приехал в местечко N. Вылез из машины, отошёл несколько метров, в машину ужарил снаряд. Борта в щепки, чемоданы и их содержимое на куски, а я и шофёр остались абсолютно невредимы. После этого приходится ещё раз заявить, что проживу я не менее ста лет».

«...Наши дела идут хорошо. Про город Е., очевидно, вы читали в газетах. Всё это происходило при нашем участии... С гордостью можно сказать, что противник почувствовал всю мощь нашего советского оружия». Город «Е» – это Ельня.

В августе батарея вновь была выведена из армейского подчинения во фронтовой резерв. К тому времени многие установки были повреждены. Слепые обстрелы на позициях, огневые налёты при подъезде к передовой, бомбардировки на дорогах не проходили бесследно. В батарее были и людские потери, и материальные. К тому же техника есть техника, она порой ломалась. Две установки вышли из строя ещё в июле, и их отправили в Москву в ремонт на завод «Компрессор», расположенный на востоке столицы. Во время боёв под Ельней были повреждены и остальные пять боевых машин. К сентябрю батарея капитана Флёрова получила четыре новые установки. Это уже были серийные БМ-13.

Военной академии им. М. В. Фрунзе (1954–1968). Награждён 6 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Кутузова 1-й степени, орденами Октябрьской Революции, Суворова 1-й степени, Отечественной войны 1-й степени, «Знак Почёта».

К тому времени на Западном направлении действовали ещё несколько батарей «Катюш»²⁰:

- Особая батарея РГК лейтенанта Александра Михайловича Куна (пропал без вести в октябре 1941 года в Вяземском «котле») – 9 установок;
- Особая батарея РГК старшего лейтенанта Николая Николаевича Денисенко, действовала на позициях армейской группы генерала К. К. Рокоссовского— 3 установки;
- Особая батарея РГК старшего лейтенанта Петра Никитича Дегтярева – 4 установки;
- 16-я батарея МУ РГК старшего лейтенанта Александра Герасимовича Денисова – 4 установки;
- 76-я отдельная батарея лейтенанта Николая Фёдоровича Дятченко (пропал без вести в октябре 1941 года в Вяземском «котле») – 4 установки;
- 19-я батарея МУ РГК старшего лейтенанта Евгения Александровича Черкасова (пропал без вести в октябре 1941 года при выходе из Вяземского «котла») – 4 установки;
- 30-я батарея МУ РГК старшего лейтенанта Василия Александровича Куйбышева (впоследствии он будет командовать отдельным гвардейским миномётным дивизионом) – 4 установки.

Производство БМ-13 было налажено на двух заводах: на Московском заводе «Компрессор» и на Воронежском заводе им. Коминтерна.

Постановлением Государственного комитета обороны СССР, подписанным И. В. Сталиным, был утверждён график выпуска «Катюш». Согласно этому графику в августе воронежцы должны были выпустить 114 установок, москвичи – 99. Но трудности наладки серийного производства не позволили ни тем, ни другим выдать плановое количество машин. В сентябре – октябре выпуск «Катюш» значительно увеличился.

Личный состав батарей формировался одновременно с выпуском машин. Когда БМ-13 пошли потоком, Главное артиллерийское управление РККА начало формировать гвардейские миномётные полки и отдельные гвардейские миномётные дивизионы. Согласно недавно рассекреченным документам, по данным из ГАУ, на Западном направлении действовало 67 установок. Двухзвонный штат батареи в то время составлял четыре установки. Большинство из них вместе с личным составом погибли в Вяземском «котле».

Действовали батареи успешно. Из Журнала боевых действий 12-й немецкой танковой дивизии 3-й танковой группы: «30.7 огневые позиции 2./2 ап попали под огонь одной русской миномётной установки. Позиции этого дивизиона находились восточнее Печеничено. При выстрелах наблюдалось большое облако дыма. Первая часть траектории похожа на след при запуске сигнальной ракеты. Одновременные разрывы распределяются на площади от 100 м в ширину до 100–200 м в глубину. Некоторые боеприпасы могут частично заполняться горючей жидкостью, отчего при падении она разбрызгивается, и окружающие деревянные и другие горючие предметы немедленно загораются. По найденным частям снарядов речь может идти о калибре 12–15 см. При нахождении оболочек снарядов и других остатков от разрыва немедленно сообщить...»

На следующий день: «30 и 31. 7 в районе 2./5 мпп²¹, в чьём тылу находился 2./2 ап, русские применили новое оружие и новые боеприпасы. Это должен быть машинный гранатомёт, стреляющий автоматически. При сильном звуке выстрела и небольшом выбросе пламени шлейф дыма поднимается на высоту около 200 м. С поднятием дыма поднимается огненный шар, который светится на высоте 150–200 м. Его цвет ярко-белый. Затем больше ничего не слышно. Через секунды следуют разрывы. Воронки не обнаруживаются. Видно только пятно

²⁰ Своё поэтическое название БМ-13 получила чисто случайно. Дело в том, что на каждой установке рядом с номером стояло заводское клеймо, по своим очертаниям похожее на литеру «К».

²¹ Аббревиатура «мпп» означает мотопехотный полк, на самом деле на тот момент подобные полки именовались стрелковыми.

от ожога диаметром 2 м. Это место глянцевое, при этом создаётся впечатление, что как будто масляная жидкость выброшена из снаряда. Найденные гильзы (две найдены целыми) имеют длину 50 см и диаметр 12 см. Металл, должно быть, не очень жёсткий. Цвет изнутри и снаружи чёрный. На теле снаряда, кажется, оперение. Горение не наблюдалось. Пехотинцам 5 мпп следовало доложить, что у них от выброса из этой гранаты форма немедленно загорелась. Предполагается, что имело место применение жидкости с фосфором, из-за ярко-жёлтых брызг при разрыве».

Из записи от 1 августа 1941 года: «5:00. В 12 мпп огонь в глубину обороны. Русские стреляют 15 см (снарядами) и метательное устройство (как наш реактивный миномёт?) залповое...»

Из донесения штаба 20-й танковой дивизии в штаб 3-й танковой группы 2 августа 1941 года: «...2. 8. 41. противник использовал по позициям зажигательные боеприпасы. Как действенное средство защиты используются парусиновые накидки (*Gasplane*), которые плохо горят и могут быть быстро сброшены. Собственные арт. обстрелы против установленных зажигательных действий особенно успешны».

Из показаний пленных красноармейцев, захваченных разведчиками 12-й танковой дивизией. Допрос 5 августа 1941 года: «...Вчера должны были прибыть 8–9 ракетных орудий. Одни выстреливают 14 снарядов в минуту, другие – 16. Смонтированы на машинах и распределены на фронт».

Из донесения пехотного полка «Великая Германия» 5 августа 1941 года: «Устройство делает 32 выстрела непосредственно один за другим. Действие гранат подобно действию гранат 10, 5–12, 2 см. Разрывы от 32 выстрелов распределяются по площади примерно 30 на 50 м. Была найдена одна гильза, которая передана далее в корпус, вероятно, от нового метательного устройства. Калибр его около 122 мм. Гильза была 70 см длиной... Во всяком случае можно взять на себя ответственность, что каждый раз следовали 32 разрыва. Это подтверждается опросами пленных, хотя сами солдаты это устройство не видели, но от своих комиссаров и офицеров слышали, что оно делает 32 выстрела. Они при этом обращают внимание, что устройство секретное... После первых наблюдений полк предположил, что имело место 25 разрывов. Но сейчас думает, что также может быть 32. Устройство стреляет на расстояние 5 км. След ракеты при выстреле не был виден. Полк предполагает, что устройство передвижное и имеет много орудийных стволов (около 6–8), которые приводятся в действие электричеством».

Охота за советскими установками продолжалась. Из Берлина в район Смоленска прибыли специалисты из Берлина. Среди них были инженеры, конструкторы, высококлассные разведчики, имевшие большой опыт действий на территории противника. Более того, они могли действовать под видом красноармейцев, бойцов и командиров, и даже целых подразделений, санитарных обозов, ремонтных мастерских. Носили красноармейскую форму, имели подлинные документы, свободно разговаривали на русском, украинском, белорусском языках, владели практически всеми видами оружия, могли управлять всеми видами военной техники. Таким спецам большого труда не составляло выполнить приказ своего командования. Другое дело, что установки охранялись, по всей вероятности, такими же спецками. И долгое время охота немцев за БМ-13 результатов не давала.

И всё же 22 сентября 1941 года у деревни Сакуново Смоленской области немцы захватили первую установку. 10 октября под Мценском в полосе действия 4-й танковой дивизии вермахта при отступлении были брошены три установки. 19 октября под Вязьмой во время зачистки «котла» были обнаружены ещё три секретные боевые машины. Но снаряды к ним немцы добыли только в мае 1942 года во время разгрома Крымского фронта (операция «Охота на дроф»).

Тем не менее желанию немецких конструкторов скопировать русскую «Катюшу», пусть даже на германский манер, не суждено было сбыться. Не удалось даже воспользоваться глав-

ными техническими идеями советских конструкторов, создавших такую простую и столь сложную пусковую установку реактивных снарядов.

Снаряды. Их не смогли создать в немецких лабораториях, такими, чтобы они летали так же, как русские. Немецкий порох не мог «сгорать в камере двигателя реактивного снаряда столь же стабильно и устойчиво, как советский». Немецкие образцы либо сходили с направляющих, либо взрывались в воздухе. Что и говорить: что русскому хорошо, то немцу смерть... Советские пороха – многолетний и кропотливый труд РНИИ и выдающихся химиков русской школы А. С. Бакаева, Д. И. Гальперина и В. И. Карькиной²². Наши учёные не только сумели создать лучшие в мире пороха для различных артиллерийских систем, в том числе для реактивных снарядов для «Катюши», но и разработали технологию их массового, непрерывного и дешёвого производства. Как признают специалисты, «наши химики добились разброса значений так называемой теплоты взрывчатого превращения не выше 40 условных единиц, а чем меньше величина разброса, тем стабильнее горит порох. Аналогичные же немецкие пороха имели разброс этого параметра выше 100 единиц. Это и приводило к нестабильной работе двигателей реактивных снарядов»²³.

Когда осенью 1941 года армии Западного и часть армий Резервного фронтов оказались в гигантском Вяземском «котле», защищая его, немцы смогли захватить множество трофеев. Новейшие танки Т-34, орудия ЗиС-3 и горы снарядов к ним, различного рода секретную документацию и даже, по некоторым сведениям, установки БМ-13. Но – ни одного боеприпаса к ним.

Надежда оставалась на захват батареи капитана Флёрова. Немцы за нею следили от Спас-Деменска...

5

Операция «Тайфун» – «решающий бросок на Москву» – началась 30 сентября 1941 года. Её замысел был грандиозен и прост: силами ударных группировок группы армий «Центр» из районов Духовщины, Рославля и Шостки прорвать фронт советских армий, прикрывавших Москву, окружить и уничтожить их в районах Брянска и Вязьмы, а затем охватить с юга и севера советскую столицу и задушить её.

Первый этап операции немцы провели блестяще. В Брянский, Рославльский и Вяземский «котлы» попали сотни тысяч красноармейцев, несколько армейских полевых управлений, десятки генералов, целые арсеналы военной техники, вооружения и снаряжения.

Словно по иронии судьбы, 1 октября 1941 года вышла директива Ставки ВГК № 002490 командующим войсками фронтов и армиями о порядке использования реактивной артиллерии:

---

²² Александр Семёнович Бакаев (1895–1977) – основоположник производства баллистных порохов, доктор технических наук (1949). В 1937 году начальник лаборатории № 8 в НИИ-6 Наркомата оборонной промышленности СССР. В 1937–1943 годах находился в заключении, работал в Особом бюро НКВД, с 1941 года главный инженер ОТБ-6. После войны заведующий кафедрой МХТИ им. Д. И. Менделеева (1948–1972). Двукратный лауреат Сталинской премии 3-й степени (1946, 1947). Награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды. Давид Израилевич Гальперин (1903–1977) – химик, специалист в области баллистных порохов. В 1938–1943 годах находился в заключении, работал в Особом бюро НКВД. С 1943 года главный инженер завода им. С. М. Кирова, с 1951-го – научный руководитель НИИ-130. Разработчик непрерывной (шнековой) технологии производства зарядов к БМ-13. Двукратный лауреат Сталинской премии 3-й степени (1946, 1947). Награждён орденом Трудового Красного Знамени, 2 орденами «Знак Почёта». Валерия Ивановна Карькина (1917–1986) – технолог производства пороха. Работала в ОИЗ-512, ОТБ-512, с 1947 года – в НИИ-125. Лауреат Сталинской премии 3-й степени (1947).

²³ *Непомнящий Н. Н. 100 великих тайн Второй мировой. М., 2010.*

«Части действующей Красной армии за последнее время получили новое мощное оружие в виде боевых машин М-8 и М-13, являющихся лучшим средством уничтожения (подавления) живой силы противника, его танков, моточастей и огневых средств.

Внезапный, массированный и хорошо подготовленный огонь дивизионов М-8 и М-13 обеспечивает исключительно хорошее поражение противника и одновременно оказывает сильнейшее моральное потрясение его живой силы, приводящее к потере боеспособности.

В связи с тем, что боевые машины М-8 и М-13 недооцениваются нашим командным составом и нередко применяются совершенно неправильно, Ставка Верховного Главнокомандования **приказывает:**

1. Дивизионы и батареи М-8 и М-13 применять только по крупным разведанным целям (скопление пехоты, моторизованных частей, танков, артиллерии и по переправам). Огонь по отдельным мелким целям категорически воспретить.

2. В зависимости от обстановки батареи и дивизионы М-8 и М-13 привлекать для выполнения следующих основных задач:

а) при наступлении или при контратаках противника, когда пехота противника поднята в атаку, а танки и моточасти противника выведены из укрытий в открытое место, – бить массированным огнём М-8 и М-13 по живой силе, танкам и матчасти противника;

б) при наступлении и контратаках с нашей стороны привлекать массированный огонь машин М-8 и М-13 для того, чтобы пробить оборону противника;

в) при оборонительном положении наших войск привлекать огонь М-8 и М-13 по скоплению живой силы, танков и моторизованных частей противника;

г) при всех условиях бить противника из батарей М-8 и М-13 на переправах и в узких дефилах;

д) во всех указанных случаях М-8 и М-13 применять не отдельными установками, а целыми дивизионами, при этом категорически воспрещается пристрелка снарядами М-8 и М-13 и усиленно рекомендуется производить пристрелку полковыми орудиями.

3. Все боевые машины М-8 и М-13 считать совершенно секретной техникой Красной армии. Поэтому эти машины и боеприпасы к ним ни в коем случае не должны попасть в руки врага. Сохранение тайны возложить на командующих фронтами и армиями.

4. Приказ довести до сведения командиров и начальников артиллерии стрелковых дивизий, командиров батарей и дивизионов М-8 и М-13.

5. Получение приказа подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования.

И. СТАЛИН.

Б. ШАПОШНИКОВ»²⁴

Можно с большой долей вероятности предположить, что капитан Флёров был ознакомлен с этой директивой, поскольку все батареи и дивизионы «Катюш» имели либо фронтовое, либо армейское подчинение.

Этот документ подводил итог тому короткому, но богатому опыту, полученному за три неполных месяца боевого применения «Катюш» на фронте. Все победы и уроки были здесь, кажется, учтены. Невозможно было учесть лишь такого фактора, как человеческий. Правда, тогда и это вполне учитывалось. В батареи и в дивизионы набирали исключительно коммунистов и комсомольцев, а они умели исполнять приказы именно так, как они отданы. Фронтвики рассказывали, как во время выхода из окружения, на марше, они нередко наблюдали у дорог, в болотах, на переправах взорванные установки вместе с миномётчиками, которые либо не успели, либо не смогли уйти в силу различных обстоятельств.

²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 90. Л. 88–90.

Что касается пункта о массированном применении БМ-13, то это тоже подсказал опыт. Во-первых, тройной залп в районе Рудни, когда была основательно потрёпана немецкая танковая дивизия. В августе, когда под Ельней бои достигли наибольшего ожесточения, командование сосредоточило на одном участке сразу три батареи, в том числе и часть капитана Флёрова. Задачу гвардейцам-миномётчикам ставил прибывший на фронт начальник артиллерией Красной армии генерал-полковник Н. Н. Воронов²⁵. В Москву он докладывал сразу после залпов: «Наша пехота залегла от неожиданности. А остальное хорошо! Средства сильные. Следует увеличить производство. Формировать непрерывно части, полки и дивизионы. Применять лучше массированно и соблюдать максимальную внезапность».

При массированном ударе и максимальной внезапности случилось и такое, что при виде, как ракеты накрывают полосу немецких траншей, а некоторые снаряды падают с недолётом в сотне-другой метров от своих окопов, наши стрелковые подразделения быстрым маршем дружно перемещались в тыл.

Последний маршрут батареи капитана Флёрова: Рославль – Спас-Деменск – правее Угры и Знаменки на деревню Богатырь. Колонна машин шла одна. Без какого-либо сопровождения. Без попутчиков. Ими могли быть, как в это время часто случалось, другие части и подразделения. Под руководством энергичных командиров они группировали свои силы и пробивали покуда ещё неустойчивые немецкие заслоны, выставленные по всем дорогам.

Седьмого октября 1941 года немецкие танковые дивизии замкнули внутреннее кольцо вокруг Вяземской группировки войск Западного фронта и приступили к ликвидации «котла». Немцы делали это не впервые. В замыкании кольца участвовали танковые и пехотные дивизии, которые имели большой опыт подобных операций, проведённых в районах Белостока, Минска, Смоленска. В первую очередь перехватывались все магистрали, дороги, просёлки, тропы и направления. На них устраивались засады. Здесь велось круглосуточное наблюдение. Наблюдатели имели хорошо налаженную связь с ударными подвижными группами, которые в зависимости от обстоятельств могли быстро перемещаться в нужном направлении. По всей вероятности, на такую засаду и наткнулись флёровцы при попытке выбраться из только что сформированного «котла». Хотя у этой истории возможен вариант – их «вели». От Спас-Деменска или даже раньше. С Варшавки Флёров почему-то свернул. Скорее всего, потому, что она в это время была забита техникой, пробками, к тому же по ней без конца работала немецкая авиация. А карта подсказывала вполне безопасный маршрут через Спас-Деменск и дальше по просёлочным и лесным дорогам на рубеж Можайской линии обороны, куда тогда стремились все войска.

Но Флёров, конечно же, не знал, что немцы уже захватили Юхнов и передовым LVII моторизованным корпусом повернули по шоссе Юхнов – Вязьма, стремительно отрезая наши войска в районах Спас-Деменска, Выходов, Угры, Издешкова, Дорогобужа, Семлёва, Богородицкого, Вязьмы, Знаменки. По рассказам выживших, они предполагали, что окружены, но где немцы, где свои, понять было невозможно. Шли направлением на Гжатск и Верею. Направление было верным. В Гжатск немцы вошли 9 октября, в Верею 14-го. Так что у флёровцев время ещё было. А вот в Юхнов танки и мотоциклы LVII моторизованного корпуса с боем вломились ещё 5 октября. В Юхнов немцы вошли по Варшавскому шоссе и тут же повернули на Вяземское шоссе и ринулись на север, замыкая Вяземский «котёл» охватом с юга и юго-запада. На них-то и выехала из лесу батарея капитана Флёрова. Возможно, колонне не хватило нескольких часов, чтобы пересечь шоссе Юхнов – Вязьма. Но возможно и другое: капитан Флёров намеревался воспользоваться этим шоссе, чтобы быстро добраться до Юхнова, а там,

---

²⁵ Николай Николаевич Воронов (1899–1968) – главный маршал артиллерии (1944), Герой Советского Союза (1965). С июля 1941 года начальник (с марта 1943 года командующий) артиллерии РККА и заместитель наркома обороны СССР. В 1946–1950 годах командующий артиллерией Вооружённых сил СССР. Награждён 6 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, орденами Октябрьской Революции и Красной Звезды.

соединившись со своими, заправить транспорт и продолжать движение по Варшавскому шоссе на Медынь и на Малоярославец, где проходила Можайская линия Московской обороны.

Итак, 7-го...

В тот же день капитан Флёров послал нарочным последнее донесение: «7 октября 1941 год. 21 час. Попали в окружение у деревни Богатырь – 50 км от Вязьмы. Будем держаться до конца. Выхода нет. Готовимся к самовзрыву. Прощайте, товарищи».

От хороших, наезженных дорог батарея была отрезана ещё в первых числах октября. Пробирались по лесным просёлкам, которыми местные жители пользовались в период сухого сезона или зимой, когда земля подмерзала. В тот год осень была сухая, бабье лето затянулось, и в первых числах октября стояли солнечные, тёплые дни. Поэтому лесные дороги оказались проезжими. Но закончилось горючее.

Колонна остановилась неподалёку от деревни Богатырь Угранского района Смоленской области. В деревню въезжать не стали. Командир батареи выслал вперёд разведку. Вскоре разведчики вернулись и доложили, что путь свободен. Капитан Флёров приказал разведчикам: двигаться впереди колонны, дистанция не больше километра, в случае обнаружения опасности немедленно подать сигнал. Уже стемнело. Двинулись с погашенными фарами. И тут, при подъезде к деревне, по колонне был открыт огонь. Огонь вёлся из стрелкового оружия. Стало очевидным – засада. Начался бой.

Сюжет дальнейших событий теперь уже не восстановить. Некоторые исследователи пишут, что капитан Флёров приказал разрядить последний боезапас «прямой наводкой по приближающимся танкам противника». Другие – что часть транспорта ещё до боя артиллеристы по приказу командира привели в негодность, слив из баков остатки бензина. Что одна из установок, которой управлял парторг Нестеров, всё же смогла прорваться через стену огня и скрылась в лесу. По другой версии, Нестеров проехал метров четыреста и, после того, как взрывом снаряда снесло кабину боевой машины и из пробитого бензобака вытекло горючее, выполняя инструкцию и следуя своему долгу, взорвал установку. Что капитан Флёров был уже ранен осколком или пулей в лицо. Что он взорвал одну из установок, а именно головную, и погиб вместе с ней. Что перед тем, как взорвать установки, он приказал батареяцам пробиваться к своим мелкими группами. Что большинство батареяцев, как утверждают исследователи, погибли во время этого боя. Из 170 человек только 46 смогли уйти в лес и затем пробиться к своим. Что никто не сдался в плен – все погибли.

По всей вероятности, многое было не так. Что касается последнего, то, видимо, немцы всё же захватили какое-то количество пленных. Возможно, не в ходе этого боя, а потом. Не всем ведь удалось добраться до своих. Во всяком случае, погибших и похороненных оказалось всего несколько человек.

Одну из групп – 19 человек – вывели Александр Кузьмин и парторг Иван Нестеров в район Можайска.

В колонне было четыре установки БМ-13 и три-четыре машины сопровождения. Все установки в ходе боя были взорваны. Снаряды израсходованы.

Удалось отыскать полный список командного состава отдельной батареи капитана Флёрова:

командир батареи капитан Иван Андреевич Флёров – погиб в бою 7 октября 1941 года;
заместитель командира батареи лейтенант Константин Константинович Сериков – взят в плен 11 октября 1941 года, освобождён в 1945 году;

помощник командира батареи по технической части воентехник 2-го ранга И. Н. Бобров;
комиссар батареи политрук Иван Фёдорович Журавлёв – погиб 9 января 1942 года;
парторг батареи сержант Иван Яковлевич Нестеров, водитель установки М-13 – из окружения вышел;

комсорг батареи сержант Захаров Алексей Анисимович, радист – из окружения вышел;

автотехник батареи воентехник 2-го ранга Илья Давыдович Скигин – из окружения вышел, служил во 2-м гвардейском миномётном дивизионе;

электротехник батареи воентехник 2-го ранга Александр Константинович Поляков;

командир взвода управления лейтенант Михаил Иванович Науменко – из окружения вышел, 1 ноября 1941 года назначен командиром 2-й батареи 36-го отдельного гвардейского миномётного дивизиона;

командир пристрелочного взвода старший лейтенант Пётр Кузьмич Ветряк – взят в плен 11 октября 1941 года, умер 21 апреля 1943 года в шталаге IA;

командир 1-го огневого взвода лейтенант Иван Фёдорович Костюков – взят в плен 11 октября 1941 года;

командир 2-го огневого взвода лейтенант Н. А. Малышкин – из окружения вышел;

командир 3-го огневого взвода лейтенант М. А. Подгорнов – из окружения вышел;

командир взвода боепитания старший лейтенант Александр Васильевич Кузьмин – из окружения вышел;

командир боевого расчёта пусковой установки сержант Валентин Иванович Овсов;

командир боевого расчёта пусковой установки сержант Иван Егорович Гаврилов – из окружения вышел;

командир боевого расчёта пусковой установки сержант Михаил Ильич Есенов – с августа 1941 года служил в 42-м отдельном артиллерийском дивизионе;

командир боевого расчёта пусковой установки сержант Иван Николаевич Коннов – сумел избежать плена и вступил в партизанский отряд;

командир боевого расчёта пусковой установки сержант Александр Павлович Курганов – с августа 1941 года служил в 42-м отдельном артиллерийском дивизионе;

командир боевого расчёта пусковой установки сержант Рушев;

командир боевого расчёта пусковой установки сержант Константин Васильевич Наяглов;

заведующая санитарной частью военфельдшер Юлия Владимировна Автономова – из окружения вышла, после войны вышла замуж и изменила фамилию на Осокину.

6

Фронтная жизнь «Катюши» началась на Смоленщине. В годы войны советские конструкторы создали несколько модификаций реактивной установки, которые выпускались серийно и успешно применялись в боях, в самых известных операциях Великой Отечественной войны.

БМ-13-СН со спиральными направляющими стреляла намного точнее первых образцов.

В 1942 году изготовили снаряды М-31 калибра 310-мм. Они запускались с наземных стационарных установок. Снаряд весил 92,4 килограмма, в головной части 28,9 килограмма взрывчатки. Через два года для них создали самоходную установку с 12 направляющими – БМ-31-12. Дальность полёта боеприпаса – 13 километров.

Ровесницей БМ-13 была БМ-8, стрелявшая ракетами калибра 82-мм. Рама имела 24 направляющих – 48 ракет.

К 1945 году на фронтах действовали 7 дивизий, 11 отдельных бригад, 114 отдельных полков, 38 отдельных дивизионов реактивной артиллерии. За годы войны наша промышленность изготовила для Красной армии около 30 000 реактивных установок различных модификаций и более 14 500 000 снарядов к ним, то есть, как заметил один из исследователей истории «Катюши», «примерно по три-четыре шт. на одного солдата вермахта». Из них потеряно: БМ-13 – 3400 единиц; БМ-8 – 1400; БМ-31 – 100.

После боя у деревни Богатырь немцы сняли с убитых награды, собрали оружие, забрали документы. Хоронили тела капитана Флёрова и его товарищей жители деревни Богатырь,

могилу выкопали недалеко от шоссе Юхнов – Вязьма. Коля Ерошенко, которому тогда исполнилось 16 лет, забрал у погибших медальоны. Как объясняют местные жители, хотел передать их нашим, когда они придут. Но Колю через год расстреляли немцы. Так были стёрты из истории имена защитников батареи и тех, кто взорвал себя вместе с установками.

Направляющая рельса одной из установок застряла в молодой сосне у дороги. Сосна росла, трёхметровый кусок металла торчал на высоте вытянутой руки. Деревенская ребятня ходила качаться на рельсе. Потом, когда взземские поисковики отыскивали могилу батарейцев, когда идентифицировали останки командира, в Богатырь приехали сотрудники московского музея, срезали сосну и извлекли ржавый фрагмент флёрвской БМ-13.

После войны каждый год 9 мая в Большевик на могилу капитана Флёрова и его бойцов приезжал один из выживших в последнем бою. Потом и его не стало. Ушли из жизни многие ветераны, жители Богатыря. Разъехались очевидцы боя и похорон. Могилу забросили. Распахали вместе с дорогой, которая вела от большака к деревне...

Капитан Флёров долгие годы считался «без вести пропавшим». В начале 60-х годов командующий зенитными ракетными войсками Сухопутных войск СССР маршал артиллерии К. П. Казаков подписал представление к присвоению капитану Ивану Андреевичу Флёрову звания Героя Советского Союза. Чиновники бумагу заволокнули. В 1963 году вышел Указ о награждении И. А. Флёрова орденом Отечественной войны 1-й степени (посмертно). Теперь, наконец, взорвавший себя вместе с секретной установкой герой официально считался не пропавшим без вести, а погибшим. И только в июне 1991 года вышел Указ о присвоении капитану Флёрову звания Героя Российской Федерации – «за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне».

Никогда не забывали о подвиге капитана Ивана Андреевича Флёрова и его батареи земляки-двуречинцы, товарищи по оружию артиллеристы и ракетчики, вязьмичи и угранцы. В селе Двуречки действует Мемориальный музей И. А. Флёрова. На Смоленщине стоят памятники.

Близ деревни Богатырь у шоссе Юхнов – Вязьма над могилой героя стоит гранитный обелиск и православный крест. Останки капитана Флёрова и шестерых его боевых товарищей обнаружили в 1995 году. Во время ритуала перезахоронения дала залп установка «Град» – потомок «Катюши».

В марте 1998 года приказом министра обороны Российской Федерации Герой Российской Федерации капитан Иван Андреевич Флёров навечно зачислен в списки командного факультета Военной академии Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) им. Петра Великого.

Потомок Ермака

Александр Фёдорович Наумов, полковник, командир 312-й и 53-й (сводной) стрелковых дивизий 43-й армии

1

После катастрофы под Вязьмой, Рославлем и Брянском И. В. Сталин несколько дней пребывал в угнетённом состоянии. 8 октября, на следующий день после того, как немцы замкнули кольцо вокруг Вязьмы и войск Западного фронта, он отправил телефонограмму генерал-лейтенанту М. Ф. Лукину²⁶, который принял на себя командование окружённой группировкой: «Если не пробьётесь, защищать Москву будет некем и нечем. Повторяю: некем и нечем».

Пятого октября в командование войсками Западного фронта вступил генерал армии Г. К. Жуков. Верховный срочно отозвал своего Суворова²⁷ из-под Ленинграда, где положение более или менее стабилизировалось. Город устоял и продолжал обороняться. Группа армий «Север», израсходовав наступательный ресурс и почувствовав возросшее сопротивление советских войск, остановилась.

А под Москвой ни фронта, ни войск не было. Жуков собирал всё, что было под рукой, и формировал на недостроенной Можайской линии новую оборону. С Валдая спешным порядком была переброшена 312-я стрелковая дивизия. На станцию Ворсино близ Малоярославца одним из первых прибыл штабной эшелон. С платформы тут же скатили штабную «эмку», в неё сели командир дивизии полковник А. Ф. Наумов, старший батальонный комиссар Я. Э. Сировский²⁸, начальник оперативного отделения штаба капитан В. М. Яиров²⁹, и машина тут же полетела по шоссе в сторону Москвы.

В штабе Московского военного округа (МВО) их уже ждали. Командующий округом генерал-лейтенант П. А. Артемьев³⁰ был немногословен и хмур. Член Военного совета бригадный комиссар К. Ф. Телегин³¹ не проронил ни слова. После краткого ознакомления прибывших с положением дел на фронте и к западу от Москвы командующий сказал:

---

²⁶ Михаил Фёдорович Лукин (1892–1970) – генерал-лейтенант (1940), Герой Российской Федерации (1993, посмертно). С 1940 года командовал 16-й армией, попавшей в окружение под Смоленском. С августа командующий 20-й, с сентября – 19-й армиями. В октябре принял командование окружённой под Вязьмой группировкой. 14.10.1941 взят в плен, в 1945 году освобождён. Прошёл проверку органов НКВД и восстановлен в РККА. Награждён 5 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

²⁷ Среди историков ходит такое сравнение: Жуков был при Сталине тем же, кем был Суворов при Потёмкине.

²⁸ Яков Эммануилович Сировский (1908–1967) – полковник. В начале войны комиссар стрелковых дивизий, затем командир 455-го (1944) и 1091-го (1944–1945) стрелковых полков. Награждён 3 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Александра Невского, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Красной Звезды.

²⁹ Валентин Михайлович Яиров (1908–1978) – генерал-майор (1958). В начале войны начальник оперативного отделения штаба 132-й стрелковой дивизии, 16.10.1941 ранен и эвакуирован. Позже начальник штаба (1942–1944) и командир (1944–1945) 327-й (с 1943 года 64-й гвардейской) стрелковой дивизии. Награждён 4 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Кутузова 2-й степени, Александра Невского, Красной Звезды.

³⁰ Павел Артемьевич Артемьев (1897–1979) – генерал-полковник (1942). В 1941 году начальник Управления оперативных войск НКВД СССР. С начала войны командующий войсками МВО (1941–1947, 1949–1953), одновременно начальник Московского оборонительного района (1941–1943). Награждён 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Красной Звезды, орденом Октябрьской Революции.

³¹ Константин Фёдорович Телегин (1899–1981) – генерал-лейтенант (1943). Был членом Военных советов МВО (1941–1942), Донского (1942–1943), Центрального (1943), Белорусского (1943–1944), 1-го Белорусского (1944–1945) фронтов, Группы советских оккупационных войск в Германии (1945–1947). В 1948–1953 годах в заключении. Награждён 3 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Октябрьской Революции, Суворова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени, Красной Звезды.

– Вы, Александр Фёдорович, назначаетесь начальником Малоярославецкого укрепрайона. Подчиняетесь штабу округа. Фронт обороны вашего боевого участка... – генерал Артемьев провёл рукой по карте, расстеленной на двух сдвинутых столах прямо поверх письменных приборов, видимо, перед их приездом, – ...сорок километров. От реки Руть, через Ильинское, до Детчино. Окопы полупустые. Сейчас их занимают курсанты подольских училищ, пехотного и артиллерийского, и отдельные части и подразделения. Войска продолжают прибывать. Но основная сила на Варшавском шоссе и на Малоярославецком направлении – ваша дивизия. Так что вся надежда на вас, Александр Фёдорович. Какие у вас вопросы?

– Что с флангами? – спросил Наумов.

– Фланги открыты, – напряжённо глядя на карту, ответил Артемьев.

Много лет спустя в своих мемуарах генерал Наумов о той встрече в штабе Московского военного округа писал: «Какой же был перед нами противник, где нужно ожидать его главную группировку? Это было нам недостаточно ясно.

Видели мы огромную карту, для которой не хватало стола командующего, и на ней отображены синим карандашом многочисленные кружки, походные колонны пехоты, танков, артиллерии противника...

По той обстановке, которая царила в штабе и в кабинете командующего, можно было догадаться только об одном – нужно как можно более спешно выходить на рубеж обороны, и неизвестно – хватит ли времени, ведь не было проведено не только рекогносцировок, а хотя бы намёток для ориентировки системы огня, взаимодействия и управления.

Складывалось впечатление, что нужно было как можно скорее просто “затыкать” образовавшиеся бреши, громить врага везде и всюду и не допустить его к Москве...

От Москвы до Малоярославца более 100 километров, противник приближается, он уже в Медыни, поэтому, ни минуты не теряя, скорей, скорей к полкам, чтобы успеть спустить приказ на подходе их к Малоярославцу и ввести их в назначенные им боевые участки. А ведь формат обороны 40 км. Успеют ли полки, батальоны, роты занять свои районы и участки?»

Первое штабное совещание провели в дороге, в машине: от Малоярославца до передовых подразделений противника было примерно 40–60 километров. Немцы находились где-то между Юхновом и Медыню³². Почему задержались там, пока неизвестно. Кто их там задержал? Или просто производят перегруппировку? А может, повернули на северо-восток и формируют внешний обвод Вяземского «котла»? Судя по всему, дела совсем плохи. Если дивизию, да и весь боевой участок, подчинили не армейскому управлению, а напрямую штабу МВО. Открытые фланги – вот что самое страшное. Танки пойдут по шоссе. Во всяком случае, первую попытку сделают именно на шоссе и вдоль него.

Капитан Яиров тут же уточнил:

– Линия укрепрайона перехватывает шоссе в крупном населённом пункте. Село Ильинское.

Наумов вслух размышлял:

– Командующий сказал, что УР не достроен и что там, в Ильинском, сейчас занимают оборону курсанты подольских училищ. Окапываются и закатывают в бетонные доты орудия. Я думаю вот что: делать какую-либо передвижку войск сейчас не надо, уже поздно, надо полкам и батальонам, вплоть до роты, занимать свободные участки.

– Затыкать дыры и прохудины? – усмехнулся капитан Яиров; подсвечивая карманным фонариком, он не отрывался от карты, расстеленной на коленях.

– Другого выхода нет, – сказал Наумов. – В худшем случае мы просто не успеем развернуть дивизию.

---

³² Юхнов немцы захватили 5 октября, в Медынь вошли утром 11 октября 1941 года. От Юхнова до Медыни 47 километров по Варшавскому шоссе.

– А в лучшем? – подал голос комиссар Сировский.

– Лучшего случая у нас, похоже, нет.

После этих слов командира дивизии долго молчали. Яиров выключил фонарик.

Стала лучше просматриваться дорога. Встречный поток увеличивался с каждым километром. Ближе к Малоярославцу правая сторона совсем сузилась. На встречную полосу иногда выдавливало подводу, а то выскакивали грузовики и, хлопая брезентом, пытались объехать пробку. Шофёр нервничал, переключался на пониженную. И всё же возле Малоярославца они столкнулись лоб в лоб со встречной полуторкой. Головами вынесли лобовые стёкла, высыпались на дорогу фары, потёк радиатор. И всё же, почти ползком, без фар, шофёр довёз их до штаба Малоярославецкого укрепрайона.

Начальник УРа генерал Смирнов³³ оказался на месте. Тут же, по карте, определили боевые участки, назначили командиров.

«1083-й стрелковый полк при поддержке батареи 859 артполка – Павлищево, Зеленино, Марьино;

108-й стрелковый полк (приданный дивизии) – Юрьевское, исключая Лукьяново, Рылово;

1079-й стрелковый полк с 303-пулемётным батальоном при поддержке 2-го дивизиона 859-го артполка – Лукьяново (исключая), Машкино;

Подольское пехотное училище с 33-й огнёмётной ротой – Машкино (исключая), Полотняный Завод;

1081-й стрелковый полк – в резерве 1 батальон в районе Детчино, 2-й батальон в районе Костино, Максимовка;

мотострелковая рота ведёт разведку в направлении Медынь;

штаб дивизии – Малоярославец»³⁴.

Полковник Наумов расставил свои полки, закрыв самые опасные направления и промежутки, не занятые войсками. «К тому времени, – пишет исследователь Московской битвы и биограф А. Ф. Наумова Н. А. Прусакова, – ещё не была полностью, до штата, вооружена противотанковой и зенитной артиллерией. И самое главное, что беспокоило командиров, – каким образом организовать управление войсками при крайне ограниченных средствах связи?»

Проблему нехватки радиосвязи, телефонных аппаратов и провода усугубляла относительно большая протяжённость фронта Малоярославецкого УРа и пестрота сил, подразделений и частей, спешно стянутых сюда: 108-й запасной стрелковый полк, пулемётные батальоны, сводный батальон 616-го стрелкового полка, огнёмётные роты, 152-я мотострелковая бригада, 12-й гвардейский миномётный полк реактивных установок БМ-13, 517-й артиллерийский полк РГК и, наконец, батальоны и батареи подольских пехотно-пулемётного и артиллерийского училищ. Когда на Малоярославецкий участок Можайского УРа вышло полевое управление 43-й армии, сюда из резерва были переброшены дополнительно несколько артиллерийских и противотанковых полков, танковые бригады. Но задача дивизии полковника Наумова и протяжённость фронта в связи с усилением Малоярославецко-Боровской группировки наших войск не облегчилась. Противник тоже усиливал свою Медыньско-Юхновскую группировку, которая, подавив сопротивление передового отряда подольских курсантов и диверсионно-разведыва-

³³ Василий Андреевич Смирнов (1889–1979) – генерал-майор (1940). С 1940 года начальник Подольского стрелково-пулемётного училища. В октябре 1941 года сформировал из курсантов полк и оборонялся с ним в Ильинском секторе Малоярославецкого УРа. Затем командовал 2-й Московской (1941–1942), 129-й (1942) и 116-й (1943–1946) стрелковыми дивизиями. Награждён 3 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени.

³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 312. Оп. 1. Д. 6.

тельного батальона капитана И. Г. Старчака³⁵, неминуемо двигалась по Варшавскому шоссе к Малоярославцу.

Слабым звеном малоярославецкой обороны был район Боровска. Из мемуаров А. Ф. Наумова: «Авиационная разведка фашистов не могла не видеть, что, если по Варшавскому шоссе советская армия производит какие-то передвижения войск, то на правом фланге Малоярославецкого боевого участка этого не отмечается. Продолжая нажим по Варшавскому шоссе, а также в направлении Полотняного Завода и Детчино, основные силы 57-го моторкорпуса начали выходить на правый фланг боевого участка, не занятого нашими войсками. Быстрое взятие Боровска позволило им в дальнейшем действовать в направлении Наро-Фоминска и на Варшавском шоссе в тыл малоярославецкой группы».

Лётчики авиаразведки Западного фронта 10 октября зафиксировали движение передовых немецких колонн в районе села Кременское севернее Медыни. Они приближались к правому флангу Малоярославецкого УРа. Командование Московской зоны обороны в срочном порядке выдвинуло к угрожаемому участку несколько отрядов. Полковник Наумов навстречу немецкой колонне выслал 1083-й стрелковый полк капитана А. М. Автандилова³⁶. Силы собрали немалые, но единого командования у этой боевой группы не было, и немцы разбили их поодиночке.

Немцы высадили десант, и он потеснил рабочие батальоны, которые ещё не были вооружены (одна винтовка на отделение). Однако в районе деревень Ищеино и Зеленино³⁷ капитан Автандилов успел развернуть в боевой порядок свой полк и при поддержке 859-го арtpолка атаковал противника, выбил его из Зеленино и после короткой перегруппировки пошёл в атаку в направлении на Ищеино. Бой длился несколько часов. Упорство и стойкость натолкнулись на такие же упорство и стойкость. Немцы ввели в бой резерв – танки. Батальоны атаковали с переменным успехом. Деревня несколько раз переходила из рук в руки. С обеих сторон были большие потери. Наши бойцы сожгли 13 танков противника.

Вместе с батальонами капитана Автандилова сражался отряд НКВД подполковника Н. Г. Шевцова³⁸. Отряд имел батарею противотанковых орудий, батарею зенитных орудий, крупнокалиберные пулемёты и миномёты. Когда под Ищеино немцы развернули танковую атаку, зенитчики и ПТО сериями точных выстрелов подожгли несколько танков и пресекли наступление. И так повторялось несколько раз.

«Во второй половине дня 12 октября, – вспоминал А. Ф. Наумов, – фашисты подтянули дополнительные резервы из деревень Мальцево и Каменево – свыше батальона пехоты и танки – и при поддержке бомбардировочной авиации перешли в наступление. Несмотря на большие потери, врагу удалось расчлнить боевой порядок полка, который к тому времени ещё не успел окопаться. Третий батальон был отброшен к северу, к селу Деревенька, остальные подразделения вели бой в районе Абрамовская слобода, Хитрово. Часть подразделений отошла к реке Лужа в направлении села Юрьевское. Отряд Шевцова стал отходить на Гордеево и Абрамовское. Таким образом, на данном направлении, на нашем открытом правом фланге, ясно обозначился успех врага».

---

³⁵ *Иван Георгиевич Старчак* (1905–1981) – полковник, командир разведывательно-диверсионного отряда. Один из руководителей обороны Варшавского шоссе в октябре 1941 года. Был начальником парашютно-десантной службы Управления ВВС Западного фронта, в 1943 году начальник парашютно-десантной службы авиабригады парашютных войск. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

³⁶ *Арсен Маркович Автандилов* (1910–1986) – генерал-майор (1955). В 1941 году командовал 1083-м стрелковым полком, был тяжело ранен 28. 12. 1941. С 1944 года командовал 7-м гвардейским кавалерийским полком. Награждён 3 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

³⁷ Ныне Боровского района Калужской области.

³⁸ *Николай Георгиевич Шевцов* (1906–?) – полковник (1943). В 1940–1944 годах командир 2-го мотострелкового полка Внутренних войск НКВД СССР. Награждён 3 орденами Красной Звезды.

Из Журнала боевых действий LVII моторизованного корпуса: «12.10.41 г. 10.00–13.00. Части 3-й мотопехотной дивизии отразили контратаку русских. Так как сама дивизия не смогла развить наступление, командованием корпуса было принято решение изменить направление наступления одного из пехотных полков 358-й пехотной дивизии в полосу наступления 3-й мотопехотной дивизии с северного направления во фланг обороняющейся группировки противника».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.